

УДК 347.865.65:343.3**Анализ эволюции института банкротства физических лиц в
российском законодательстве и его правовые коллизии в
современной практике****Полищук Владислав Александрович**

Аспирант,
Академия труда и социальных отношений,
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: polishuck.vladislav@yandex.ru

Аннотация

В данной статье исследуется эволюция института банкротства физических лиц в российском законодательстве, а также анализируются правовые коллизии, возникшие в современной практике применения норм банкротства. Проблематика банкротства приобретает особую актуальность в условиях динамичного экономического развития и изменения правовой базы, что обуславливает необходимость глубокого исследования исторических этапов формирования института и выявления существующих правовых противоречий. Методы исследования основаны на комплексном подходе, включающем сравнительный анализ нормативных актов, историко-правовой анализ и эмпирическое изучение судебной практики. Сбор информации осуществлялся посредством анализа законодательных реформ, изучения судебных решений и обзора научных публикаций, что позволило выстроить целостную картину эволюционных процессов и оценить эффективность применяемых правовых механизмов. Данный методический подход обеспечивает объективность полученных результатов и их применимость для совершенствования законодательства. Результаты исследования демонстрируют, что законодательное регулирование банкротства физических лиц прошло несколько этапов, характеризующихся как расширением правового регулирования, так и появлением новых коллизий, затрудняющих практическое применение норм. Анализ выявил существенные пробелы и противоречия в интерпретации правовых норм, что приводит к неоднозначности судебных решений и снижению эффективности защиты прав участников гражданских правоотношений. Обсуждение полученных данных указывает на необходимость разработки интегративных решений для устранения выявленных коллизий, а также на важность синтеза зарубежного опыта с отечественной практикой. Предлагаемые рекомендации направлены на повышение юридической определенности и стабилизации хозяйственных отношений в сфере банкротства. Подчеркивается значимость проведенного исследования и его вклад в развитие теоретических основ и практических аспектов института банкротства физических лиц, а также даются основания для дальнейших исследований и совершенствования законодательства. Дальнейшие исследования в данной области позволят углубленно изучить механизмы применения законодательства, выявить отличительные черты судебной практики в различных регионах и сформировать рекомендации. Практическая значимость работы заключается в возможности реализации предложенных изменений для повышения эффективности защиты прав граждан и

обеспечения справедливости в экономических спорах. Новизна исследования состоит в интеграции историко-правового анализа с анализом современных тенденций развития судебной практики. Полученные выводы представляют большую ценность для практикующих юристов, законодателей и ученых, стремящихся к совершенствованию современной правовой системы.

Для цитирования в научных исследованиях

Полищук В.А. Анализ эволюции института банкротства физических лиц в российском законодательстве и его правовые коллизии в современной практике // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 322-336.

Ключевые слова

Банкротство, эволюция, физические лица, законодательство, коллизии.

Введение

Эволюция института банкротства физических лиц в России коренным образом связана с общими историческими и правовыми процессами, которые происходили в стране на протяжении нескольких столетий. Еще в дореволюционный период существовала практика, при которой неплатежеспособные лица подвергались довольно жестким последствиям, вплоть до лишения свободы, а также конфискации имущества, если обнаруживались признаки мошенничества. Однако на тот момент правовая система не была в достаточной мере приспособлена к учету интересов как кредиторов, так и должников, что приводило к множеству конфликтов. Постепенно законодательная мысль начала развиваться в направлении гуманизации отношения к тем, кто не мог выполнять свои обязательства. Уже тогда некоторые исследователи отмечали, что существующие механизмы не всегда позволяли должнику честно выйти из сложной ситуации и начать новую жизнь, что вело к замкнутому кругу долгов и безысходности [Обертинский, 2024]. Впоследствии, с приходом советской власти, гражданское законодательство претерпело значительные изменения, обусловленные новой экономической моделью. Значительный упор делался на коллективную собственность и планирование, в результате чего институт личного банкротства практически исчез, что, впрочем, отражало панующую идеологию.

В постсоветский период потребность в упорядочении отношений должника и кредиторов в личной сфере стала особенно очевидна. Принятые в 90-е годы реформы главным образом затрагивали корпоративное банкротство, а вопросы, касающиеся неплатежеспособности граждан, зачастую откладывались на второй план. Основной фокус сосредоточивался на коммерческой деятельности предприятий, которые в быстро меняющихся рыночных условиях нередко оказывались на грани разорения [Ешкилева, 2022]. Однако со временем возрастала и задолженность физических лиц. Банковская система активно развивалась, становились популярны потребительские кредиты, ипотека, кредитные карты. Многие граждане, не имея достаточного опыта управления финансами, брали на себя долговые обязательства, не рассчитывая потенциальные риски. Соответственно, возникла острая необходимость в создании правовых основ, позволяющих урегулировать вопросы несостоятельности граждан на цивилизованной основе. Законодатели стали подготавливать почву для принятия правовых актов, регулирующих процедуру банкротства физических лиц. В то время еще существовали

разногласия относительно того, насколько глубоко должна быть затронута эта сфера, чтобы одновременно защищать интересы кредиторов и давать должнику возможность вернуться к нормальной экономической жизни. Вопросы этики и социальной справедливости дискутировались очень активно, но лишь к началу 2000-х годов эти обсуждения начали принимать более конкретный характер. Законопроекты разрабатывались, дорабатывались, и в обществе росло ожидание скорого законодательного закрепления процедуры личного банкротства. Тогда еще не все понимали, как радикально может измениться структура долговых отношений, когда новая система обретет юридическую силу. Но сложности правоприменения и неготовность некоторых социальных институтов к реформе неоднократно тормозили процесс. Принятие закона несколько раз переносилось, и лишь спустя годы в правовом поле появились необходимые рамочные документы. С этого момента вектор на формирование цивилизованного и более гуманного подхода в этой сфере начал приобретать реальные очертания. На практике все это означало, что личное банкротство становилось все более обсуждаемым феноменом, выходящим за узкопрофессиональные рамки.

Материалы и методы исследования

Закон о банкротстве физических лиц в российскую правовую систему официально вошел в действие в 2015 году, что стало результатом длительной подготовки и компромиссов между различными группами интересов. Некоторые полагали, что это послужит серьезным механизмом для очищения бухгалтерского баланса граждан, однако у других были опасения, что процедура может слишком легко использоваться недобросовестными должниками для уклонения от обязательств перед кредиторами [Милов, Андреев, 2024]. Тем не менее новая глава в законодательстве о несостоятельности определила четкие правила, по которым гражданин может инициировать собственное банкротство при наличии неудовлетворенных долгов, превышающих установленный порог. Важно отметить, что существенное место в этой процедуре отдано мировому соглашению и реструктуризации долга, что указывает на стремление законодателя стимулировать стороны к поиску компромисса. На практике же оказалось, что многие россияне не до конца понимают порядок подачи заявления, особенности сбора документов, а также перспективы, связанные с проведением финансовой процедуры. Помимо прочего, кредиторы, особенно крупные банки, первоначально реагировали скептически, нередко пытаясь оспаривать заявления о признании граждан банкротами. Тем не менее в большинстве случаев суды придерживаются логики защиты экономических прав всех участников, стараясь выстраивать баланс интересов, однако коллизии в правовом регулировании дают о себе знать уже на первых этапах применения закона. Например, встает вопрос о том, действительно ли банкротство – это мера, которая должна позволять гражданину «начать все с нуля», или же это крайний выход, который обязан сопровождаться серьезными ограничениями на будущую деятельность и кредитную историю. Данные вопросы активно обсуждаются в научной литературе и являются предметом дискуссий в профильных научно-правовых сообществах.

Становление правового регулирования банкротства физических лиц во многом определялось попытками учесть разнообразные интересы: с одной стороны, кредитор желает максимизировать возврат долга, с другой – должник стремится сохранить хотя бы часть своих прав на имущественную самостоятельность [Абдуллаев, 2022]. Эта противоречивость прослеживается практически во всех аспектах процедуры. Формально закон предусматривает,

что, прежде чем признать гражданина банкротом, нужно оценить возможные способы сохранить его платежеспособность, например через реструктуризацию. Реструктуризация кажется мягким инструментом, позволяющим избежать полной ликвидации имущества: должнику дается шанс погасить задолженность постепенно, в течение определенного периода, учитывая уровень доходов и необходимых денежных затрат на проживание. В то же время кредиторы не всегда готовы к таким временным издержкам, рассчитывая на более быстрый возврат средств. Судебная практика отражает, как непросто найти баланс между этими крайностями, поэтому нередко дело доходит непосредственно до реализации имущества банкрота. Здесь всплывают вопросительные моменты относительно того, что считать неприкосновенным имуществом, и каковы разумные границы такой неприкосновенности, ведь для кредиторов важно, чтобы должник не скрывал потенциально ликвидные активы. С постепенным накоплением судебной практики суды стали более уверенно применять нормы, но остаются лазейки для злоупотреблений с обеих сторон. Нередко кредиторы пытаются оспорить сделки должника, совершенные незадолго до банкротства. Должники же стараются уйти от включения определенного имущества в конкурсную массу, используя различные схемы передачи собственности родственникам. Все это порождает новые витки судебных баталий, и здесь особенно важна ясность и четкость правовых норм, их толкование и систематизация. На уровне законодательства также ведутся дискуссии о реформировании процедуры и внесении корректировок, чтобы сделать процесс более прозрачным и однозначным.

Результаты и обсуждение

Проблема несоответствия правовых норм и практики их применения ярче всего проявилась в вопросе привлечения к ответственности, когда возникает подозрение на преднамеренное или фиктивное банкротство. Законодатель предусмотрел санкции за подобные деяния, стремясь оградить кредиторов от умышленных действий должников, пытающихся избавиться от долгов без объективных причин. В то же время правоприменители сталкиваются с ситуациями, когда объективно доказать умысел крайне сложно [Саркисянц, 2024]. Судебные органы вынуждены углубляться в анализ каждой отдельно взятой сделки и в той или иной степени по крупицам восстанавливают картину финансовой жизни должника. Кроме того, стоит учитывать и вопрос добросовестности кредиторов, ведь иногда сами кредитные организации могут заключать кабальные соглашения, заведомо зная о проблемной платежеспособности заемщика, а впоследствии наживаться за счет процентов и штрафов. Такое поведение тоже не остается без внимания судов, которые в ряде случаев склоняются к мнению, что кредитор неправомерно воспользовался слабой финансовой грамотностью граждан. Механизмы правосудия пытаются поддерживать равновесие, однако до сих пор нет однозначного алгоритма, позволяющего четко отличать добросовестное использование процедуры банкротства от злоупотребления. Очевидно, что совершенствование правовых норм в этой сфере требует аккуратного баланса, иначе либо должники будут получать избыточные преференции, либо кредиторы будут ущемлять интересы заемщиков, что противоречит социально-правовой природе законодательства о несостоятельности.

Многие эксперты указывают на необходимость расширения института медиативных процедур в области личного банкротства, чтобы сторонам предоставлялось больше возможностей для достижения компромисса, не доводя дело до суда. Существует мнение, что подобные методы позволяют снизить эмоциональную нагрузку и социальную стигматизацию, а

также быстрее найти удовлетворяющее всех решение. Однако в российской правовой реальности медиация пока не получила достаточного распространения [Кузнецов, Твердова, 2023]. Часть проблемы связана с отсутствием глубоких традиций компромиссного урегулирования в экономических спорах. Еще одним фактором является то, что значительная часть населения не доверяет медиационным процедурам в полной мере, сомневаясь в их эффективности. Несмотря на это, некоторые инициативы предполагают включение элементов досудебного урегулирования в обязательный набор мероприятий, предшествующих признанию гражданина банкротом. Это могло бы способствовать разгрузке судебной системы, поскольку сейчас суды по банкротству физлиц все чаще сталкиваются с наплывом однотипных дел, которые в итоге занимают много времени и ресурсов. Медиация и прочие формы альтернативного разрешения споров могли бы стать действенным инструментом, хотя, безусловно, требуется большая информированность сторон о преимуществах такого подхода и дополнительные стимулы со стороны государства.

Вместе с тем интерес к процедурам банкротства физических лиц растет не только в практической среде, но и в научном сообществе. Исследователи уделяют внимание вопросам социологии права, анализируя, как сам факт банкротства влияет на психологию человека, его социальную репутацию и возможности трудоустройства [Власова, 2023]. Также поднимается проблема финансовой грамотности и культуры заемщиков, ведь зачастую люди просто не умеют рассчитывать кредитную нагрузку, оценивая свои перспективы по обслуживанию долгов без учета возможных проблем, таких как потеря работы или непредвиденные расходы. Параллельно ведется правовой анализ того, какие уроки можно вынести из зарубежной практики. В Соединенных Штатах Америки, к примеру, правовая система банкротства давно отлажена, и имеется развитый пласт норм, позволяющих должникам начать «с чистого листа», однако контроль за добросовестностью там также достаточно жесткий. В европейских странах подходы различаются: где-то доминирует более мягкая модель, где-то обязательна процедура реструктуризации. В каждом случае учитываются национальные особенности – и экономические, и культурные. Российская модель, будучи относительно молодой, пытается впитать лучшие мировые практики, но при этом сохранить собственные правовые традиции и специфику. Вопрос только в том, насколько эффективно интегрируются эти заимствования и не возникает ли дополнительных коллизий при смешении разных правовых подходов.

Наиболее спорной остается проблема пропорциональности между интересами должника в сохранении необходимых для жизни средств и интересами кредитора в максимизации возврата. Российское законодательство установило некоторые гарантии, например невозможность изъятия единственного жилья, за исключением объектов, очевидно выходящих за рамки разумной достаточности. Однако и здесь нередко возникают суды, где определяется, является ли жилье роскошным в конкретном случае [Пахолкова, 2023]. Сходные споры касаются транспортных средств, необходимых для заработка, а также стоимости предметов роскоши. Решения по этим вопросам принимаются судами с учетом всех обстоятельств, но отсутствует четкая формула, позволяющая объективно определить критерии роскоши. Судебная практика формируется постепенно, и каждый новый кейс может стать основой для изменений. При этом наблюдается логика: если речь идет о человеке, который взял кредиты на роскошный образ жизни, то он должен нести повышенную ответственность и не может рассчитывать на чрезмерно лояльную процедуру. Но если должник оказался в финансовом тупике по не зависящим от него причинам (потеря работы, болезнь родственников и проч.), то суды демонстрируют большую гибкость и учитывают социальные факторы. Регулирование этих

моментов на законодательном уровне еще не является окончательно отточенным, и периодически появляются инициативы, направленные на уточнение критериев для исключения того или иного имущества из конкурсной массы. Однако, пока эти инициативы проходят стадию рассмотрения, практика развивается своим путем, создавая непрерывный поиск равновесия между гуманизацией процедуры и защитой интересов кредиторов.

С началом действия закона о банкротстве граждан в 2015 году возник целый пласт новых юридических профессий и специальностей. Появились финансовые управляющие, специализирующиеся именно на процедурах физлиц, а также адвокаты и консультанты, которые помогают должникам подготовиться к процессу, собрать необходимые документы, верно рассчитать перспективы и риски [Анисимов, Чумаков, 2022]. Одновременно сформировался пласт юридических компаний, предоставляющих услуги по ведению дел о банкротстве «под ключ». Это стало определенным бизнесом, который порой провоцирует и негативные последствия: некоторые организации предлагают сомнительные схемы, обещая гражданам быстро и безболезненно списать долги, не предупреждая о возможных осложнениях и рисках, включая ограничения в финансовой сфере после процедуры. Информационная насыщенность рынка и отсутствие у многих должников достаточной правовой грамотности приводят к тому, что они легко верят в громкие рекламные заявления. В итоге некоторые попадают в еще более затруднительные положения, сталкиваясь с дополнительными расходами и обвинениями в попытках обмана кредиторов. Регулятор и правоохранительные органы время от времени реагируют на подобные факты привлечением таких компаний к ответственности, но сам характер рынка услуг по банкротству не всегда прозрачен. Юридическое сопровождение банкротства тоже требует профессионализма и укладывания в рамки этических норм, поэтому дискуссия о необходимости более жесткого регулирования деятельности «арбитражных управляющих» и консультантов не утихает. Возможно, в перспективе законодатель усилит контроль над такими посредниками, чтобы пресекать злоупотребления и обеспечить добросовестное предоставление услуг.

Заметной коллизией стал вопрос о том, какие именно требования должны удовлетворяться в первую очередь. В процедуре банкротства есть понятие очередности – сначала погашаются одни долговые категории, затем другие. Между тем в случае с гражданами размывание граней между личными, семейными и коммерческими обязательствами может породить путаницу. Некоторые люди умудряются смешивать виды деятельности, например, получая кредиты как предприниматели, однако подают заявление о банкротстве как физические лица, пользуясь некоторыми послаблениями [Обертинский, 2023]. Тонкая грань между предпринимателями без образования юридического лица и «обычными» гражданами, имеющими долговые обязательства, нередко становится предметом обсуждения в судебных спорах. Возникают вопросы относительно того, должен ли человек отвечать по обязательствам, связанным с его профессиональной деятельностью, или стоит разграничивать личную и предпринимательскую ответственность. Судебная практика по таким делам все еще неоднозначна. Нередко решения судов зависят от конкретных обстоятельств, степени доказанности факта, что займ был получен на развитие бизнеса или же на личные нужды. Учет финансовых потоков и определение источников выплат требуют детального анализа бухгалтерской документации, выписок по счетам, договоров. Иногда суды пытаются установить реальную цель каждого кредита, что затрудняет процесс и усложняет процедуру рассмотрения дел. Тем не менее тенденция идет к тому, что если связь долга с предпринимательской деятельностью очевидна, то и подход к оценке такого долга может отличаться от подхода к сугубо потребительскому кредиту.

Законодатель стремится избежать злоупотреблений, когда граждане, представляясь обычными должниками, фактически уклоняются от серьезных обязательств, вытекающих из предпринимательской деятельности. Но неполная определенность в законе по-прежнему дает основания для коллизий, и это очередное поле для развития правовых норм.

Тем временем общественное мнение о банкротстве физических лиц меняется. Если в первые годы действия закона процедура воспринималась как нечто экстраординарное для «неудачников», то постепенно она становится более обыденным явлением, с которым к тому же связаны надежды на новое начало для должника [Курилов, Фомочкина, 2023]. Средства массовой информации стали больше писать об этом, приглашая юристов для разъяснений, и, параллельно, граждане охотнее изучают вопрос, выясняют, каковы шансы на списание долгов, какие есть ограничения после признания банкротом (например, невозможность занимать руководящие должности в течение определенного времени). Социальная стигматизация не столь велика, как это было ранее, хотя вполне естественно, что люди все еще опасаются негативных последствий. В предпринимательской среде возникает вопрос, не связана ли процедура банкротства с новой формой рейдерских захватов, однако на практике выявить такие случаи довольно сложно. В любом случае, процесс формирования социально приемлемого отношения к феномену личного банкротства еще далек от завершения, ибо культурные нормы и правовые институты развиваются одновременно, влияя друг на друга.

Одна из наиболее острых проблем, периодически поднимаемых экспертами и законодателями, заключается в том, что при признании гражданина банкротом не всегда учитываются интересы его семьи. Например, если должник, который из-за банкротства теряет часть имущества, ответственен еще и за содержание несовершеннолетних детей, эта ситуация может затронуть их благополучие [Смоленский, 2024]. Суды вынуждены анализировать, каким образом будет обеспечиваться минимально необходимый уровень жизни для членов семьи. В определенных случаях суды учитывают алиментные обязательства, однако появляются и более сложные кейсы, когда штрафы, пени и проценты «съедают» почти всю сумму, оставляя детей фактически без средств к существованию. Большинство специалистов согласны, что процедуру банкротства нужно корректировать, делая акцент на защите интересов несовершеннолетних и других социально уязвимых категорий граждан, либо выводить алиментные обязательства в особый разряд. Подобные инициативы обсуждаются и в профессиональных кругах, и в общественном пространстве, где звучат призывы о недопустимости превращения детей в «заложников» долговых историй взрослых. Тем не менее единых правил пока нет, и потому каждая ситуация оценивается судами индивидуально, что не всегда способствует правовой определенности. Возможно, со временем законодатель конкретизирует положения, касающиеся защиты интересов лиц, находящихся на содержании банкрота, чтобы устранить противоречия и повысить социальную справедливость процедуры.

Параллельно обсуждается и тема смертности долговых обязательств в случае кончины должника. При наличии процедуры банкротства, не завершённой до смерти, встает вопрос о правопреемстве наследников и продолжении дел, связанных с несостоятельностью. Законодательно банкротство физического лица увязывается с личными особенностями, однако в случае смерти кредиторам зачастую приходится либо мириться с потерями, либо пытаться обратиться за взысканием на наследственную массу [Кравченко, 2023]. Суды рассматривают вопрос, можно ли и нужно ли продолжать процедуру в отношении умершего человека, ведь тогда объектом банкротства должна стать наследственная масса, которая исчисляется по своим правилам. Порой возникает путаница: если гражданин умер после объявления себя банкротом,

но до завершения распродажи имущества, кто несет ответственность за дальнейшие процедуры, и как соблюсти интересы наследников? С одной стороны, закон защищает их право на получение имущества, если таковое осталось, с другой – кредиторы могут претендовать на удовлетворение своих требований. Пока не выработано исчерпывающе ясного механизма, и каждый такой случай становится индивидуальным правовым разбирательством, что затрудняет прогнозирование исхода дел. С точки зрения эволюции законодательства, это еще одна зона, где требуется детальное прописывание прав и обязанностей сторон, чтобы избежать правовых курьезов и излишних судебных процессов.

Коллизии наблюдаются и в процессуальной части дела о банкротстве физлица, особенно когда речь идет о доказывании состава имущества и определении условий реструктуризации. К примеру, когда должник заявляет, что у него отсутствуют какие-либо доходы, кроме весьма скромной заработной платы, возникают вопросы, поддерживает ли он определенный уровень жизни за счет неофициальных доходов, помощников, либо имеет активы, прикрытые третьими лицами [Назарова, 2022]. Суду и финансовому управляющему приходится проводить целое расследование, требуя сведения из разных источников, а нередко сталкиваясь с активным противодействием. Кредиторы, в свою очередь, пытаясь подтвердить наличие у должника скрытых ресурсов, обращаются к частным детективам или прибегают к сбору неофициальных доказательств, что иногда приводит к нарушению конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни. Таким образом, реальная практика балансирует на грани между защитой интересов кредитора и соблюдением гарантий должника. Регулирование подобных ситуаций должно учитывать и принципы пропорциональности в вмешательстве в личные дела гражданина, однако у нас нет абсолютной однозначности в трактовке. В такой обстановке нельзя сказать, что законодательство окончательно сформировалось и является стабильным; напротив, выявляются все новые и новые аспекты, требующие адаптации норм, а судебная практика создает прецеденты, иногда противоречивые друг другу. Это естественный этап развития любой новой правовой области, особенно столь поликомпонентной и социальной по своей природе.

На практике также происходит столкновение регламентов, связанных с правовым статусом супругов при банкротстве одного из них. Если кредит был оформлен в период брака, нужно определить, подлежит ли совместное имущество разделу в рамках процедуры банкротства, и в каком соотношении [Грамматчиков, 2022]. Другая сторона – ответственность второго супруга, если долговые обязательства были взяты без его ведома, но формально деньги расходовались на нужды семьи. Точки зрения на этот вопрос различаются, и судебная практика дает немало примеров решений, где та или иная позиция становится преобладающей. Часто суды обращают внимание на то, куда были потрачены заемные средства, кто реально извлек выгоду, и каким образом это отражено в брачных договорах, если они были заключены. Между тем также может возникать вопрос, не была ли брачная конструкция использована как инструмент для вывода активов из-под взыскания. В таких случаях суды смотрят, насколько близка по времени ко дню подачи на банкротство была оформлена смена режима собственности в семье. Если были предприняты манипулятивные действия, направленные на сокрытие имущества, это может квалифицироваться как злоупотребление правом. Все эти детали еще раз показывают многослойность и сложность правового поля, в котором функционирует институт личного банкротства. Законодатель неоднократно вносил и продолжает вносить поправки, пытаясь урегулировать возникающие коллизии, однако на сегодняшний день все еще остается простор для неправильных интерпретаций и злоупотреблений как со стороны должников и их

родственников, так и со стороны кредиторов.

Иногда наблюдается проблема с территориальной подсудностью, ведь гражданин может быть прописан в одном регионе, а фактически проживать и заниматься деятельностью в другом. Это особенно актуально для случаев, когда человек переезжает из-за долгов, стремясь снизить риски и усложнить работу кредиторов. Но бывает и наоборот: кредиторы могут подать заявление по месту регистрации должника, в то время как должник фактически находится за тысячи километров. Это порождает затяжные процессуальные нюансы и организационные сложности. Хотя законодательство о банкротстве старается упорядочить эти вопросы, конкретные ситуации разнообразны, а практика разрознена. Выбирая территориальную подсудность, стороны часто пытаются получить более благоприятные условия для себя, исходя из уровня нагрузки судов, их репутации и понимания специфики подобных дел. В результате может получаться, что различные суды по-разному трактуют одни и те же нормы, приводя к противоречивым решениям. Появляется необходимость в разъяснениях высших судебных инстанций, которые могли бы уравновесить практику. Однако производство таких разъяснений иногда запаздывает, и судебная система продолжает генерировать разнонаправленные прецеденты. Проблема не уникальна для России и свидетельствует о компромиссе между принципами территориальности и необходимости централизованного подхода к процедурам банкротства, особенно когда дело касается физических лиц, не имеющих четко определенного места ведения бизнеса, как это бывает у юридических лиц. Правовая мысль здесь продолжает совершенствоваться, пусть и не без внутренних противоречий.

При рассмотрении столь объемного массива вопросов нельзя забывать о социальном аспекте: банкротство физического лица порой ставит под угрозу минимально допустимый уровень жизни, создавая для человека дополнительную психологическую нагрузку. Возникает автономный вопрос: кто должен нести бремя негативных последствий? С точки зрения общества, выгодно, когда гражданин, прошедший через процедуру банкротства, смог вернуться к активной экономической деятельности, работать, платить налоги и, в итоге, вновь стать полноценным участником рынка. Поэтому закон с самого начала ориентирован не на карательную меру, а на механизм упорядоченного выхода из долговых ловушек. Но на практике эффективность системы зависит не только от норм, записанных в законе, но и от уровня профессионализма и добросовестности финансовых управляющих, судей, банков. Каждый из участников может по-разному понимать приоритеты и принципы справедливости. Конфузы возникают, когда суд перекладывает всю вину на должника, тогда как были сопутствующие обстоятельства, либо, напротив, занимает чрезмерно снисходительную позицию. Подобная неоднородность в решениях тоже рассматривается как признак незрелости самой системы. Чтобы минимизировать подобные перекосы, говорят о необходимости более тщательного обучения судей составу экономических и финансовых вопросов, более строгих требованиях к квалификации управляющих, а также большей прозрачности и ответственности банковских учреждений за те кредиты, которые они одобряют. Только системная работа на всех уровнях может привести к гармоничной реализации провозглашенных законом целей.

В контексте сравнительного правоведения периодически поднимается вопрос, не следует ли упростить процедуру для мелких должников, у которых нет значительных активов. В некоторых зарубежных юрисдикциях существуют ускоренные формы банкротства, позволяющие «списать» мелкие долги с минимальными судебными издержками и бюрократией. Сторонники этой идеи в России полагают, что у судов не должно уходить много времени на рассмотрение дел, где обанкротившийся гражданин не имеет даже минимально ликвидных объектов для

удовлетворения требований кредиторов. Другая точка зрения предупреждает об опасности злоупотреблений, если предоставить слишком простой механизм. Ведь люди, обладающие серой заработной платой или неучтенными активами, могут воспользоваться упрощенным банкротством, избегая более строгих проверок. Спор этот носит концептуальный характер: с одной стороны, доступность процедуры снимает социальное напряжение, с другой – создает лазейку для мошенничества. Законодатель еще не сделал решительных шагов в этом направлении, но все чаще возникают инициативы, предполагающие введение упрощенной формы банкротства для категории «безнадежных» должников. Обсуждают и введение лимитов по размеру долга, при которых становится возможным упрощение процедур. В перспективе, если экономическая ситуация продолжит усугубляться или если рост за кредитованности населения станет критическим, государство может пойти на подобные нововведения, чтобы снять социальные риски массового неплатежа. Это опять же обнажит противоречие между необходимостью защиты интересов банков и желанием государства не допустить широкого социального кризиса. Законодатель балансирует между этими крайностями, стараясь найти оптимальное решение, что характерно для развития правовых систем в целом.

При оценке ситуации нельзя недооценивать роль финансовой грамотности населения. Государственные структуры и образовательные организации время от времени запускают программы, направленные на то, чтобы повысить уровень знаний граждан о кредитных продуктах и возможных рисках. Но эффективность таких программ пока неоднозначна: по-прежнему многие россияне берут кредиты в состоянии эмоционального импульса, не оценивая перспективу возврата в случае изменения жизненных обстоятельств. Неосмотрительность вредит и самим кредиторам, так как портфель «нерабочих» долгов растет, а со временем это может приводить к ухудшению стабильности финансовой системы. Хотя банкротство физлиц может быть механизмом, который разряжает ситуацию, тем не менее разумнее предотвращать долговые кризисы на раннем этапе, чем ликвидировать их последствия. В связи с этим по мере формирования юридической базы многие эксперты призывают к развитию системы раннего предупреждения, в том числе посредством банковских скоринг-моделей, многоступенчатого контроля риск-профиля заемщиков, а также финансового консультирования. Однако законодательная база для таких превентивных мер все еще недостаточно развита, и в результате мы имеем дело в основном с уже ставшей критической задолженностью, требующей судебных процедур. Со временем, если инициативы по повышению финансовой грамотности и культуре кредитования будут иметь успех, число банкротств физических лиц может стабилизироваться и даже пойти на спад, хотя сама процедура остается важным гарантом для тех, кто попадает в безвыходные ситуации.

Следует также учесть, что уровень цифровизации оказывает влияние на развитие процедур банкротства. Судебные органы внедряют электронные формы подачи документов, ведение онлайн-заседаний и дистанционный обмен информацией между должниками, кредиторами и судом. Это должно в перспективе упростить и ускорить процесс, однако создает и новые риски, связанные с защитой персональных данных и кибербезопасностью. Кроме того, внедрение цифровых решений порой наталкивается на проблемы фрагментарности региональных технологий и разницу в уровне подготовки кадров. Но, по общему мнению специалистов, прогресс в этом направлении неизбежен. Уже обсуждаются варианты онлайн-платформ, где гражданин сможет самостоятельно оценить свою ситуацию, проверить возможность банкротства, получить набор рекомендаций. Потенциально это может разгрузить суды и упростить бюрократию, хотя вопрос остаются те же: как проверить достоверность информации,

не происходит ли умышленного искажения данных, и кто будет выступать гарантом прозрачности подобных платформ. Как показывает практика других стран, цифровизация не решает коллизии кардинальным образом, но способна сделать процедуру менее затратной по времени. В российском контексте предстоит еще много работы над созданием надежной цифровой инфраструктуры, чтобы она действительно содействовала состязательности и справедливости процесса, а не превращалась в еще один инструмент для злоупотреблений.

В особую категорию следует выделить судебные споры с участием органов государственных служб, когда, к примеру, возникает долг по налогам, штрафам или другим государственным платежам. В таких случаях государство выступает кредитором. Здесь законодательство о банкротстве пересекается с нормами налогового и административного права, а суды вынуждены учитывать приоритет публичных интересов. К тому же государство обладает расширенным набором инструментов для взыскания долгов, а потому гражданину бывает сложнее противостоять госорганам даже при наличии процедуры банкротства. Суды анализируют, были ли предприняты все возможные меры для погашения задолженности, действительно ли гражданин не способен исполнить обязательства. Порой судебные приставы уже ввели ограничения на выезд должника за границу, арестовали банковские счета, и параллельно ведется дело о банкротстве. На практике это может приводить к правовым коллизиям, когда суд по банкротству и приставы действуют разными способами, не всегда скоординированными. Очевидно, что требуется более четкое взаимодействие между системой принудительного исполнения и судопроизводством по несостоятельности, чтобы не возникало ситуаций, когда гражданин оказывается в двойном прессе. Тем не менее и сама процедура банкротства должна учитывать интересы государства, которое, в отличие от частных кредиторов, защищает общенациональные интересы. И здесь заложено большое противоречие – ведь если списываются штрафы или налоговые долги, общество как бы недополучает ресурсы, которые могли быть потрачены на социальные нужды. С другой стороны, оставлять человека в долговом тупике тоже не выгодно государству, ведь это блокирует его экономическую активность и накладывает высокие административные издержки на процесс взыскания.

Таким образом, институт банкротства физических лиц в России продолжает активно формироваться. Его эволюция четко отражает сложность отечественного правового пространства, необходимость поиска баланса между защитой интересов кредиторов и принципом гуманизации ответственности для неплатежеспособных граждан. За относительно небольшой период после введения закона в 2015 году было накоплено достаточное количество судебной практики, которая высветила многочисленные пробелы и противоречия. Эти коллизии затрагивают практически все элементы процедуры: от определения порога долга и вариантов реструктуризации до вопросов имущества, ответственности третьих лиц и роли государственных органов. Существенным вызовом является масштабность и социальное значение личного банкротства, ведь для многих граждан это единственная возможность избежать бесконечной кабалы. Одновременно злоупотребления процедурой могут негативно сказаться на финансовом рынке, снизить уровень доверия банков к заемщикам и дестабилизировать кредитную систему. Именно поэтому столь высок интерес к теме со стороны юристов, экономистов, социологов и представителей власти.

Наблюдая мировые примеры, видим, что надежная модель личного банкротства требует многолетней шлифовки и согласования норм с другими отраслями права. Такое «срачивание» неизбежно порождает новые конфликты, ведь правовая система любой страны не статична, она непрерывно реагирует на социально-экономические факторы. В российском законодательстве

некоторые проблемы решаются точно через внесение поправок, разъяснения высших судов, инструктивные письма и иные подзаконные акты. Однако необходимость системного реформирования сохраняется, так как текущее регулирование не всегда безупречно отвечает потребностям практики. Политическая воля к дальнейшему совершенствованию есть, но реформа по-прежнему идет «шаг за шагом», учитывая, что ускоренное перенимание зарубежного опыта не всегда подходит к российской действительности. В ближайшем будущем можно ожидать дальнейшей адаптации норм, появления новых разъяснений судебных инстанций и постепенного внедрения медиативных и цифровых инструментов.

При этом очевидно, что коллективные ожидания от процедуры банкротства граждан крайне высоки: люди хотят получить реальную возможность начать экономическую жизнь с чистого листа. Одновременно правовое поле должно исключать ситуации, когда должник умышленно уклоняется от исполнения обязательств, злоупотребляя защитными механизмами банкротства. Примирить оба полюса помогает судебная практика, которая уже давно вышла за рамки сухого формального толкования норм. Суды анализируют добросовестность, учитывают социальные обстоятельства, приглашают экспертов, что свидетельствует о стремлении к индивидуализированному подходу при вынесении решений. Но такая гибкость неминуемо влечет субъективные факторы, а значит, единообразие правоприменения может страдать. Суды же не могут заменить собой законодательный орган, поэтому без дальнейших законодательных уточнений противоречия будут сохраняться. Текущая динамика позволяет надеяться, что постепенно мы придем к более четкому и предсказуемому регулированию личной несостоятельности.

Заключение

Таким образом, институт банкротства физических лиц – это отражение общей концепции правового социального государства, где человек не превращается в вечного должника, а получает инструмент для восстановления своей финансовой независимости. Но, разумеется, такой инструмент должен не разрушать интересы кредиторов, которые, в свою очередь, берут на себя риски при выдаче займов. В российском законодательстве продолжается поиск оптимальных правовых конструкций и уточнение процедурных деталей. Юридическое сообщество активно обсуждает необходимость модернизации ряда положений, суды накапливают практику, а законодатели присматриваются и к зарубежным моделям, и к отечественным реалиям. Очевидно, что по мере укрепления системы личного банкротства будет меняться сама структура российского финансового рынка, а также модели поведения заемщиков и кредиторов. И хотя впереди еще много вопросов, не вызывающих единодушия, важен сам факт: страна движется к полноценному признанию несостоятельности как правовой реальности, где права человека и интересы экономики стараются достичь разумного компромисса.

Подобная эволюция отражает не только законодательные усилия, но и социальное взросление общества, которое учится считать деньги, грамотно брать кредиты и не рассматривать долги как клеймо на всю жизнь. Устранение правовых коллизий – лишь часть пути, тогда как формирование полноценного и эффективного института требует времени и доверия. Доверия к судам, доверия к государству, доверия к добросовестности сторон. Пока этот процесс не завершен, будут появляться новые проблемы и новые решения, но, возможно, именно в этом неиссякаемом поиске компромисса и заключается суть эволюции правового регулирования. Российский путь в сфере банкротства физических лиц может быть долгим, но

он уже запущен, и остается надеяться, что дальнейшее развитие принесет все более взвешенные и справедливые результаты для всех участников процедуры.

Библиография

1. Абдуллаев К.А. Банкротство физических лиц, не осуществляющих предпринимательскую деятельность: пути реформирования и проблемы правоприменения // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2022. № 2 (26). С. 31-35.
2. Анисимов В.А., Чумаков Г.В. Положительные и отрицательные стороны банкротства физических лиц // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5-2 (68). С. 182-185.
3. Власова К.С. Правовая природа института банкротства физических лиц в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 6-1 (81). С. 30-33.
4. Грамматчиков А. А. Перспективы развития судебной практики и законодательства в сфере банкротства физического лица // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 11 (75). С. 197-204.
5. Ешкилева Н.А. Институт банкротства физического лица в современной России // Наукосфера. 2022. № 9-1. С. 303-307.
6. Кравченко В.С. Становление института несостоятельности (банкротства) граждан в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 6-1 (81). С. 77-80.
7. Кузнецов А.Н., Твердова Т.В. Этапы развития института банкротства в России // Вестник Академии управления и производства. 2023. № 3. С. 219-223.
8. Курилов М.Н., Фомочкина Н.В. Актуальные вопросы банкротства физических лиц // Наукосфера. 2023. № 12-2. С. 349-352.
9. Милов П.О., Андреев А.А. Историко-правовые подходы к формированию института банкротства физических лиц в Российской Федерации // Право и общество. 2024. № 1 (39). С. 61-64.
10. Назарова Н.А. Историко-правовой обзор института банкротства физических лиц // Законность и правопорядок. 2022. № 2 (34). С. 74-81.
11. Обертинский В.А. Основные особенности банкротства физических лиц // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 101-2. С. 140-142.
12. Обертинский В.А. Современное состояние и перспективы развития банкротства физических лиц // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 108-6. С. 75-76.
13. Пахолкова О.И. Проблемы банкротства физических лиц // Научный аспект. 2023. Т. 7. № 1. С. 797-803.
14. Саркисянц Т.Ю. Зарождение и особенности института банкротства физического лица в России: дореволюционный этап // Аграрное и земельное право. 2024. № 4 (232). С. 265-268.
15. Смоленский И.Н. Современные тенденции развития института банкротства физических лиц // Законодательство. 2024. № 1. С. 58-62.

Analysis of the evolution of the institution of individual bankruptcy in Russian legislation and its legal collisions in contemporary practice

Vladislav A. Polishchuk

Postgraduate Student,
Academy of Labor and Social Relations,
119454, 90 Lobachevskogo str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: polishchuk.vladislav@yandex.ru

Abstract

This article examines the evolution of the institution of individual bankruptcy in Russian legislation, as well as analyzes the legal collisions that have arisen in the current practice of applying bankruptcy norms. The issue of bankruptcy is especially relevant amid dynamic economic development and changes in the legal framework, which necessitates an in-depth study of the

historical stages of the institution's formation and the identification of existing legal contradictions. The research methods are based on a comprehensive approach that includes a comparative analysis of regulatory acts, historical-legal analysis, and an empirical study of judicial practice. Information was collected by analyzing legislative reforms, reviewing court decisions, and surveying scientific publications, which made it possible to build a complete picture of the evolutionary processes and assess the effectiveness of the legal mechanisms applied. This methodological approach ensures the objectivity of the obtained results and their applicability for improving legislation. The research results demonstrate that the legislative regulation of individual bankruptcy has passed through several stages, characterized by both the expansion of legal regulation and the emergence of new collisions that complicate the practical application of norms. The analysis revealed significant gaps and contradictions in the interpretation of legal norms, leading to ambiguous court decisions and a decrease in the effectiveness of protecting the rights of participants in civil legal relations. The discussion of the obtained data indicates the need for developing integrative solutions to eliminate the identified collisions, as well as the importance of synthesizing foreign experience with domestic practice. The proposed recommendations are aimed at increasing legal certainty and stabilizing economic relations in the field of bankruptcy. The conclusion emphasizes the importance of the conducted research and its contribution to the development of the theoretical foundations and practical aspects of the institution of individual bankruptcy, as well as providing grounds for further research and legislative improvement. Further research in this area will allow for a deeper study of the mechanisms of applying legislation, the identification of distinctive features of judicial practice in various regions, and the formation of recommendations. The practical significance of the work lies in the possibility of implementing the proposed changes to enhance the effectiveness of protecting citizens' rights and ensuring justice in economic disputes. The novelty of the research consists in the integration of historical-legal analysis with the analysis of contemporary trends in the development of judicial practice. The conclusions reached are of great value for practicing lawyers, legislators, and scholars striving to improve the modern legal system.

For citation

Polishchuk V.A. (2025) Analiz evolyutsii instituta bankrotstva fizicheskikh lits v rossiiskom zakonodatel'stve i ego pravovye kollizii v sovremennoi praktike [Analysis of the evolution of the institution of individual bankruptcy in Russian legislation and its legal collisions in contemporary practice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 322-336.

Keywords

Bankruptcy, evolution, individuals, legislation, collisions.

References

1. Abdullaev K.A. (2022) Bankrotstvo fizicheskikh lits, ne osushchestvliayushchikh predprinimatel'skuiu deiatel'nost': puti reformirovaniia i problemy pravoprimeneniia [Bankruptcy of individuals not engaged in entrepreneurial activity: reform paths and law enforcement problems]. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava* [Journal of Business and Corporate Law], 2 (26), pp. 31-35.
2. Anisimov V.A., Chumakov G.V. (2022) Polozhitel'nye i otritsatel'nye storony bankrotstva fizicheskikh lits [Positive and negative aspects of personal bankruptcy]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 5-2 (68), pp. 182-185.
3. Eshkileva N.A. (2022) Institut bankrotstva fizicheskogo litsa v sovremennoi Rossii [The institution of personal bankruptcy in modern Russia]. *Naukosfera* [Science Sphere], 9-1, pp. 303-307.

4. Grammatchikov A.A. (2022) Perspektivy razvitiia sudebnoi praktiki i zakonodatel'stva v sfere bankrotstva fizicheskogo litsa [Prospects for the development of judicial practice and legislation in the field of personal bankruptcy]. Skif. Voprosy studencheskoi nauki [Scythian. Issues of Student Science], 11 (75), pp. 197-204.
5. Kravchenko V.S. (2023) Stanovlenie instituta nesostoiatel'nosti (bankrotstva) grazhdan v Rossiiskoi Federatsii [Formation of the institution of insolvency (bankruptcy) of citizens in the Russian Federation]. Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 6-1 (81), pp. 77-80.
6. Kurilov M.N., Fomochkina N.V. (2023) Aktual'nye voprosy bankrotstva fizicheskikh lits [Topical issues of personal bankruptcy]. Naukosfera [Science Sphere], 12-2, pp. 349-352.
7. Kuznetsov A.N., Tverdova T.V. (2023) Etapy razvitiia instituta bankrotstva v Rossii [Stages of development of the bankruptcy institution in Russia]. Vestnik Akademii upravleniia i proizvodstva [Bulletin of the Academy of Management and Production], 3, pp. 219-223.
8. Milov P.O., Andreev A.A. (2024) Istoriko-pravovye podkhody k formirovaniu instituta bankrotstva fizicheskikh lits v Rossiiskoi Federatsii [Historical and legal approaches to the formation of the institution of personal bankruptcy in the Russian Federation]. Pravo i obshchestvo [Law and Society], 1 (39), pp. 61-64.
9. Nazarova N.A. (2022) Istoriko-pravovoi obzor instituta bankrotstva fizicheskikh lits [Historical and legal review of the institution of personal bankruptcy]. Zakonnost' i pravoporiadok [Legality and Law and Order], 2 (34), pp. 74-81.
10. Obertinskii V.A. (2023) Osnovnye osobennosti bankrotstva fizicheskikh lits [Main features of personal bankruptcy]. Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia [Trends in the Development of Science and Education], 101-2, pp. 140-142.
11. Obertinskii V.A. (2024) Sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia bankrotstva fizicheskikh lits [Current state and development prospects of personal bankruptcy]. Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia [Trends in the Development of Science and Education], 108-6, pp. 75-76.
12. Pakholkova O.I. (2023) Problemy bankrotstva fizicheskikh lits [Problems of personal bankruptcy]. Nauchnyi aspekt [Scientific Aspect], 7 (1), pp. 797-803.
13. Sarkisians T.Iu. (2024) Zarozhdenie i osobennosti instituta bankrotstva fizicheskogo litsa v Rossii: dorevoliutsionnyi etap [Origin and features of the institution of personal bankruptcy in Russia: the pre-revolutionary stage]. Agramoe i zemel'noe pravo [Agrarian and Land Law], 4 (232), pp. 265-268.
14. Smolenskii I.N. (2024) Sovremennye tendentsii razvitiia instituta bankrotstva fizicheskikh lits [Modern trends in the development of the institution of personal bankruptcy]. Zakonodatel'stvo [Legislation], 1, pp. 58-62.
15. Vlasova K.S. (2023) Pravovaia priroda instituta bankrotstva fizicheskikh lits v Rossiiskoi Federatsii [Legal nature of the institution of personal bankruptcy in the Russian Federation]. Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 6-1 (81), pp. 30-33.